

КАЖДАЯ ДВЕРЬ
МЕНЯЕТ РЕАЛЬНОСТЬ

Святой ярких дверей

18+

ВАДЖРА ЧАНДРАСЕКЕРА

FAN|ZON

Ваджра Чандрасекера

Святой ярких дверей

Серия «Fanzon. Fantasy World. Мастера фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74502051

*Святой ярких дверей / Ваджра Чандрасекера ; [перевод с английского Е.
Пономаренко].: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-254276-3*

Аннотация

На краю суперконтинента, между небом и морем, раскинулся Луриат – город ярких дверей.

Двери здесь повсюду. Они возникают в стенах там, где их быть не должно, выделяются яркой предупреждающей краской и безмолвно наблюдают за городом искусства и алчности, эпидемий и погромов. Они никогда не открываются.

Никто не знает, что скрывается по ту сторону, но у каждого есть собственная теория и собственное отношение к дверям. Учёные проводят исследования и берут образцы, верующие приносят подношения из фруктов и цветов, собираются для молитв и обрядов. Многие считают двери источником призраков и кошмаров из невыразимых миров.

Однако для редких людей, не отмеченных избранностью, двери становятся одновременно призыванием и проклятием. Феттер – один из них.

В день рождения Феттера его мать оторвала от него тень. Она вырастила сына оружием, предназначенным для убийства собственного отца – почитаемого святого, вокруг которого возникла новая религия. Теперь Феттер больше не принадлежит ни одному из родителей и не следует ни одному из их путей.

Он не отбрасывает тени, не подчиняется земному притяжению и повсюду видит демонов и антибогов. Не имея собственного предназначения, Феттер мечтает быть кем угодно, только не самим собой.

Но, возможно, ответ ждёт его по ту сторону одной из ярких дверей?

Лауреат премий «Небьюла», «Локус», премия им. Уильяма Кроуфорда, Ignite Award.

Номинант на премии «Хьюго», премия Урсулы К. Ле Гуин, Британская премия фэнтези.

«Изменчивый, стремительный, ослепительно оригинальный роман, предлагающий собственный язык для осмысления узлов жестокости, через которые мы проходим сегодня, не сводя их к грубой простоте аллегории». – Амаль Эль-Мохтар

«Великолепное соединение мифического и повседневного». – Эрин Моргенштерн

«Тихое мастерство на уровне прозы, роман, который делает невероятно много и делает всё превосходно... Одна из самых впечатляющих книг в любом жанре, которые мне доводилось читать за последнее время». – Chicago Review of Books

«По-настоящему выдающиеся книги – цельные, органичные, такие, что полностью проникают в сознание и переносят вас в другое место, оставляя после себя гул мыслей, образов и идей, навсегда отпечатанных в памяти, – трудно описывать. Именно поэтому так сложно говорить об этом романе». – Locus

«Лиричная и точная проза, оригинальный и органичный мир, а также сложные темы предназначения, идентичности и предвзятого, часто жестокого и неполного характера исторического повествования, будут увлекать читателей ещё долго после окончания книги». – Booklist

«Сновидческий и изобретательный, этот необычный роман представляет собой сложное чтение, мастерски соединяющее повседневное и мистическое». – Library Journal

«Роман, который стал частью необычайного всплеска современной англоязычной научной фантастики из Шри-Ланки». – Himal Southasian

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ваджра Чандрасекера

Святой ярких дверей

Посвящается

Ручире

Серия «Fanzon. Fantasy World. Мастера фэнтези»

Vajra Chandrasekera

THE SAINT OF BRIGHT DOORS

Copyright © 2023 by Vajra Chandrasekera

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (USA) (США) при участии Игоря Корженевского и Агентства Александра Корженевского

Author photo by Sanjeewa Weerasinghe

**Школа перевода
В. Баканова**

Перевод *Екатерины Пономаренко*

© Е. Пономаренко, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Едва он рождается, Достославная Мать большим медным гвоздем прищипливает к земле его тень и отрывает от Феттера. Первое воспоминание, обернувшееся многими часами терапии. Идет дождь. Тень падает на красноватую почву, жирную и глинистую; она липнет к Феттеру, пока он ворочается, не в силах поднять головку. В грязи младенец не тонет только благодаря удачному приземлению. Дальнейшее он видит в рамке согнутой в колене материнской ноги. Его тень медленно корчится на гвозде. Достославная Мать опускает руки в грязь, чтобы поднять извилистую тень пуповины, затем проворно накидывает на шею оторванной тени и затягивает петлю. Тень умирает молча – а если и кричит (умеют ли тени кричать?), то звук поглощается шумом дождя.

Следующие часы и годы Феттер не помнит. Даже тот эпизод скрыт в глубинах его памяти, пока на пороге десятилетия, охотясь за тайнами в лабиринте дома, он не натывается на лакированную шкатулку. Там Достославная Мать хранит младенческий локон и гвоздь, которым сорвала его тень. С гвоздем в руках Феттер снова видит сцену удушения в обрамлении материнской ноги: тень истаивает в красной грязи, по которой бегут кровавые ручейки.

Теперь Феттер смотрит под ноги более осмысленно. Он выходит на яркое солнце, однако тень под ним не появля-

ется. Он поднимает то одну ногу, то другую, но свет будто проходит насквозь. Словно Феттера вовсе нет. Оторвав обе ноги от земли, он зависает в воздухе, а потом медленно, чуть ли не целую минуту, спускается обратно, смещаясь в сторону под дуновением легкого ветерка, пока босые ступни не оставляют борозду в мягкой грязи. Это тоже необычно. Достославная Мать твердо стоит на земле, да и остальные тоже. Впервые ему приходит мысль, что легкость его ног не вполне нормальна и может быть как-то связана с отсутствием тени.

Целую неделю Феттер не заговаривает с Достославной Матерью о гвозде. Его терпение на пределе, но он держится как ни в чем не бывало. Все так же пропускает мимо ушей слова наставников, как всегда азартно играет с другими детьми, сбегает из дома не чаще, и углубляется в город не дальше обычного, и не слишком задерживается, исследуя высохшее русло реки под старым мостом. Он даже не решается экспериментировать с невесомостью. «Это подождет», — убеждает он себя, когда грудь по утрам наполняется легкостью и кажется, что стоит выдохнуть — как он уплывет в безбрежную синеву неба. Феттер думает, что умело скрывает смятение разума за идеальным фасадом повседневной жизни.

Ему девять лет, он маленький, худой и смуглый. Мать стрижет его чересчур коротко, не давая волосам виться. Кожа да череп — вот и все, чем можно защитить свои мысли от Достославной Матери.

Феттер хочет заговорить о гвозде как-нибудь невзначай, чтобы мать впечатлилась не только сделанным открытием, но и его самообладанием и искусством шпионажа.

Однако Достославная Мать делает первый ход. В конце недели она находит его после уроков и жестом велит выйти во двор, где вершит суд и дает собственные уроки. Рядовые наставники остались бы с Феттером под крышей, или укрылись в тени деревьев, или призвали бы его в свои кирпичные дома в городе. Но Достославная Мать учит под палящим солнцем, как будто хочет убедиться, что светило тоже усваивает урок.

– Так, значит, ты нашел гвоздь, – говорит она, усаживаясь на пень. Голос строгий, поэтому Феттер остается стоять прямо перед ней. Это не игра и не семейные посиделки: это учеба.

Пару секунд он лихорадочно прикидывает, не стоит ли все отрицать, но приходит к выводу, что будет только хуже.

– Как ты догадалась? Я ведь так старался себя не выдать!

– И довольно успешно, – отмечает Достославная Мать. Для Феттера это почти похвала. Мать очень серьезно относится к своему делу. – Но ты не заметил тайный волосок: он порвался, когда ты открыл шкатулку. А я каждый день его проверяла. Ну и какой вывод нужно из этого сделать?

– Всегда искать тайный волосок, – бурчит Феттер, пряча досаду. Достославная Мать не одобряет заносчивости, особенно в свой адрес, зато иногда ценит юмор. Она улыбается,

но жестом велит ему продолжать. — Планировать лучше? — гадает Феттер.

— Не отвечай вопросом на вопрос, — хмурится мать. — А усвоить надо было вот что: враг бывает умнее тебя, поэтому надо продумать ответные меры, прежде чем начать действовать.

— Хорошо, мама, — покорно кивает Феттер. Похоже, она не в настроении отвечать на расспросы, так что лучше и не начинать. Какое-то время оба молчат.

— Об отсутствии тени не беспокойся, — наконец произносит Достоправная Мать. Она вроде бы хотела что-то добавить, но передумала. — Вряд ли это помешает твоей секретной миссии. Таких вещей никто не замечает. А вот твердо стоять на земле тебе придется научиться.

Других инструкций он от нее не дождался. И в последующие годы Феттер сам учится справляться с невесомостью.

Есть и другие странности, о которых он не рассказывает матери. Он не вполне уверен, действительно с ним что-то не так или же это игра воображения и восприятия. Ему кажется, что он взрослеет слишком медленно. В десять лет он меньше своих ровесников, в двенадцать выглядит ребенком, хотя некоторые его одноклассники почти сравнялись по росту со взрослыми. Но не все, так что это может быть просто особенностью развития.

Однажды выясняется, что огонь не причиняет ему вреда. Случайно задев рукой пламя спички, Феттер чувствует

лишь прохладу, как от крошечного водоворота. Он пробует несколько спичек, но, возможно, их пламя просто слишком слабое и эфемерное. А большое могло бы его обжечь. Но он не знает, как проверить это без риска пораниться всерьез, так что оставляет эту затею.

Еще он видит и слышит то, что другим недоступно. Поначалу это не пугает. Иногда он наблюдает за обычными обитателями живой природы: белками, снующими меж смоляными колючками; зимородками на плачущих над рекой деревьях; оленями, резвящимися в высокой густой траве. Но есть иные существа: с пузатыми, как луковицы, животами; они липнут к стенам домов и передвигаются, словно втягивая воздух или всасывая нечто нематериальное, как бы питаясь тем, чего Феттеру не разглядеть. Другие подобны морским гадам: многоногие, с колышущимися щупальцами, они скользят по улицам, будто по дну. У некоторых вполне человеческие очертания, вроде как люди, а вроде и нет: смутные вытянутые силуэты, перемещающиеся с чужеродной грацией, либо зловещие обладатели множества зубов и длинных языков. Иногда они что-то говорят хриплыми и жалостливыми голосами, а он притворяется глухим. Оказывается, для большинства людей эти существа и явления невидимы, а их шепот в густых сумерках неразличим. Когда он начинает задавать вопросы, то реакция окружающих пробуждает в нем страх. Акусдаб – маленький город, и люди чувствуют себя в меньшинстве по отношению к невидимым законам и си-

лам, которые, как они знают, окружают их со всех сторон. Это твари того порядка, что живут за гранью человеческого бытия, так ему говорят: антибоги и демоны. Он начинает вздрагивать, а его кожа покрывается мурашками, когда такое существо движется на периферии его зрения, даже когда он отводит глаза, пытаясь не выдать свою способность его видеть.

Но главное открытие Феттера состоит в том, как на него действует гравитация: из-за нее можно поскользнуться, как на натертом маслом полу. Он может запросто упасть вверх, на ровном месте. Всего-то надо полностью выдохнуть и расслабить какую-то мышцу внизу живота, этот вечно напряженный комок. Томление по открытому небу, позыв падать вверх и вверх, бесконечно долго, вызывает в нем ужас. Когда он поднимает голову, ему кажется, что он стоит на краю бездны, и искушение рухнуть туда становится непомерным. В небо он старается не смотреть.

Он приучается делать каждый шаг сознательно, чтобы волевое усилие могло сойти за непринужденное движение. Поднять ногу, перенести, снова прижать к земле. Он упражняется до тех пор, пока не вырабатывает привычку проверять опору: слегка пошевелить лодыжкой и убедиться, что пятка прочно прижата к земле, чтобы те, кто с весом, ничего не заметили.

Именно так он стал думать о других: те, кто с весом. Те, кто с тенью.

Пока Феттер осваивает эти навыки, Достославная Мать берет его дальнейшее образование под свой контроль. Наставники исчезают один за другим. Мать преподает ему основные классические дисциплины: чернокнижье, диалектику, возмездие, подкарауливание врага и убийство. Помимо теории есть еще и практическая отработка: то, что она называет упражнениями.

Феттер изучает магию призыва и порабощения. Достославная Мать рассказывает о невидимых законах и силах, которые раньше приходили на зов, чтобы овладеть человеческим телом и вещать человеческим голосом, а затем пророчествовать и учить, – и уходили, когда их изгоняли. Теперь все иначе, говорит она, но не объясняет почему. Он изо всех сил скрывает, что видит их постоянно, даже когда мать не пытается их призвать. Ему нелегко прятать испуг: белки его широко распахнутых глаз светятся, как сигнальные огни. Он привыкает держать глаза полуприкрытыми и неподвижными, словно от постоянной боли или усталости, лишь бы не выдать ужаса перед столкновением с невидимым миром. В висках постоянно вихрится боль.

В Акусдабе невидимые законы и силы (кое-кто зовет их демонами, неодобрительно фыркает мать, хотя и за ней такое водится) – это великая мистерия. Даже для матери их явление – апогей редких и трудных обрядов, а не вечная жуть, размытые силуэты, которые он улавливает краем глаза, пока мочится и чистит зубы: паразиты, липнущие к стенам до-

мов; бегуны, опасливо кружащие под ногами у матери или в стороне от ее докторов-демонологов, печально известных и грозных заклинателей Акусдаба.

Демоны шарахаются от Достославной Матери гораздо сильнее, чем от ее учеников. Они подчиняются призыву и порабощению докторов, Феттер не раз видел это в городе, а вот мать зовет их снова и снова – но без толку. По ее словам, она лично обучила демонологов их мастерству, но Феттер замечает, как демоны кривляются и воют, глумясь над ней самой. Она их не слышит, а Феттер притворяется, что не видит ничего, кроме неудавшегося ритуала, и сожалеет, что нельзя закрыть глаза и уши.

На его призыв демоны откликаются, но действует он неуклюже, избегая встречаться с ними взглядом, когда у них есть глаза. Мать считает, что доктор из него вышел бы посредственный, хотя и этого довольно. Не такую миссию она ему уготовала.

Убийства даются ему еще сложнее. В самый первый раз Достославная Мать разве что не держит его руку. Хочет решить сразу две задачи, совместив обучение сына с кровавым завершением старинной семейной вражды. Дело давнее, говорит она. Цель – его двоюродный дед, старший брат отца Достославной Матери.

Эта поездка мало чем отличается от любых других: мать всю дорогу его поучает, а Феттер болтает свешенной из окна рукой, ловя ветер, и слушает вполуха. Они долго едут на дру-

гой конец города, словно двоюродный дед специально поселился как можно дальше от Достославной Матери.

Кроме ворчания по поводу его неуверенного обращения с потайным ножом и напоминаний о заостряющей песне, которую нужно бормотать себе под нос, чтобы возбудить молекулы на конце лезвия, Достославная Мать не упускает случая повторить учение о пяти непростительных деяниях. В ее доктрине это – кульминация обучения Феттера, самое сердце ее педагогики: красное, живое и пульсирующее. И единственный контекст, в котором она упоминает его отца, Безупречного и Благостного, так что Феттер выпрямляется на сиденье. Редкая возможность услышать эхо ответов на его вечные вопросы об отце – столь явная манипуляция со стороны матери, что даже не считается, но Феттера это все равно возмущает.

– Пять непростительных деяний – главные преступления по определению идеологического аппарата твоего отца, – начинает Достославная Мать. Феттер слышал это определение так часто, что знает наизусть, чего она и добивалась. – Они объявлены вне юрисдикции любого режима восстановительного или воздаятельного правосудия. В порядке возрастания тяжести пять непростительных деяний – это матерубийство; ересь, ведущая к расколу; убийство священнослужителя, достигшего четвертого уровня пробуждения; отцеубийство и убийство Безупречного и Благостного. Эти преступления по определению не могут быть прощены и искуп-

лены. То есть если ты совершишь любое из них, культ будет охотиться за тобой до конца твоих дней, а твое имя будет проклято в поколениях.

Твоя миссия заключается в том, чтобы совершить их все. Твой отец нас бросил. Мы оказались неизбранными, изгнанными из его эсхатологии. Мы разрушим культ твоего отца и засеём солью¹ ту землю, где он падет. А теперь повтори.

Феттер послушно повторяет катехизис. Эти слова он мог бы процитировать даже во сне.

Они на месте. Достославная Мать паркуется в тихом уголке, и они пробираются на территорию через дыру в заборе – где упал столб опоры, а колючая проволока сползла вниз. Потом Феттер поймет, что мать сама устроила этот лаз – возможно, один из докторов-демологов прошлой ночью разрушил целостность укрепления, которое могло защитить границы владения. Но пока это выглядит простой удачей.

Умение обращаться с ножом и заостряющая песнь так и негодились. Он бросается на двоюродного деда, который копошится в садике за домом. Безлюдный закуток с чахлыми грядками просто идеален для первого убийства. Хотя юность, напор и внезапность на стороне Феттера, закрепить успех он не успевает. Дед ловким движением перехватывает его запястье и выкручивает из руки нож. Феттер в панике

¹ Засолка земли (или посев солью) – ритуал посыпания солью мест, разрушенных завоевателями городов. Он возник как проклятие повторного заселения на древнем Ближнем Востоке и стал устоявшимся фольклорным мотивом в Средние века. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

забывает и то, чему его учили, и то, что нужно оставаться на земле. Он взмывает в небо, сучит ногами и вращается вокруг вцепившегося в него старика, повисает вверх тормашками. Изумленно вскрикнув, дед разжимает пальцы, а Феттер инстинктивно затыкает ему рот и вцепляется в горло.

Убийство превращается в повешение. Феттер болтается вниз головой, как живая петля. Дед отрывается от земли, отчаянно скребя по ней носками башмаков и оставляя в пыли борозды.

Даже если тебя растили для свершения непростительных деяний, не так-то просто переступить через внутренний запрет на насилие, хотя рано или поздно придется. Достославная Мать не раз предупреждала об этом Феттера, но ему все равно тяжело. В груди скапливается ядовитая горечь, которая теперь останется там навеки.

Дед нащупывает ногой опору и вновь пробует вырваться, так что Феттер принимается молотить его одной рукой. Ломает нос, выбивает глаз, в кровь раздирает лицо и шею. Уже полдень, и, опустив взгляд, прямо под собой он видит солнце. Он попирает ногами солнце. Феттер изо всех сил сжимает шею деда и опять вспоминает первые минуты жизни. Он сам теперь удавка. Дед хрипит, будто пытаясь что-то сказать, но Феттер устремляется выше, и старик повисает, как туша на крюке.

Груз тянет Феттера к земле. Тело безвольно оседает. Феттер стервятником приземляется деду на грудь. Ножа нигде

не видно, но Достославная Мать требует доводить начатое до конца, так что он продолжает крушить и царапать, и вот его руки уже по локоть в крови, а лицо старика превратилось в месиво, от вида которого начинает подташнивать. Сердце колотится у Феттера в висках. Тело стынет, становится таким легким и прозрачным, что его понемногу уносит легким ветерком. Достославная Мать на лету ловит сына за ногу и утаскивает обратно.

Феттер вжимает ноги в поверхность, чтобы снова твердо стать на землю. Не оборачиваясь, краем глаза он видит, что грядка, которую мать считает пустой, кишит невидимыми силами. На него таращится множество странных и жутких силуэтов. А он смотрит на свои окровавленные руки.

– Это задание было самым простым, – замечает Достославная Мать по пути домой. Феттер молча свернулся клубочком на пассажирском сиденье. У него болит голова, а еще горло, будто он истошно вопил без передышки. Он не помнит, чтобы издал хоть звук. Он вымылся, но руки все равно липнут. В дороге Феттер внимательно изучает ногти, смотрит на синяки и порезы, не понимая, откуда они взялись, разглядывает глубокие бороздки на пальцах, выискивая остатки бурых хлопьев. Чувствуется шероховатость, когда потираешь палец о палец. – В следующий раз, – продолжает мать, – тебе самому придется убирать за собой. Не забудь, первое непростительное деяние – матереубийство. После него меня не будет рядом, чтобы держать тебя за ручку.

Еще несколько лет посвящены дальнейшему образованию и новым упражнениям. Феттер учится убирать место преступления. Он поддразнивает Достославную Мать, называя эти убийства своими простительными деяниями. Она перестала так часто повторять катехизис, но он уже знает его наизубок и к своей досаде замечает, что бормочет его себе под нос, по-прежнему заполняя тишину знакомым текстом. Это помогает сосредоточиться и наполнить происходящее смыслом. «Простительные убийства» растворяются в общей массе постоянного насилия, которое вершится в их огромной семье, объясняет мать. Они спланированы так, что тонут в фоновом шуме злодеяний и похорон, составляющих семейный календарь. Феттер не следит за этими распрями. Кажется, что большая часть Акусдаба приходится ему родней, и не их ума дело, к какой специальной миссии его готовят. Недостатка в целях нет. Однажды какие-то кузены пытались убить саму Достославную Мать, а она превратила это в очередной урок.

– Раньше семья была совсем другой, – с грустью говорит Достославная Мать, обрезая фамильное древо.

Но даже после всех тренировок Феттер не уверен, что стал лучше драться или владеть оружием. Хотя он все-таки привык к жестокости – наверное, в этом и был весь смысл. В один прекрасный день Достославная Мать объявляет, что он готов к настоящей жизни. Собирает ему обед, дает немного

денег, нож и свое благословение – нетерпеливое и спутанное, потому что она не верит в благословения, даже собственные. Такие вещи – прерогатива его отца.

– Запомни, сын, – произносит мать с пафосом, заменяющим недостаток благочестия или любви, – единственный способ изменить мир – это намеренное, направленное насилие.

И Феттер выходит в большой мир, вооруженный и опасный в свои тринадцать лет.

Глава 2

Подростковые годы проходят в тяготах и лишениях, они наполнены холодными ночами, голодом и кровавыми мозолями. Феттер учится не упускать удачу, слушать свою интуицию – и это помогает ему выжить. Узнает тайны и зарабатывает шрамы. Отпускает длинные кудри, а потом и бороду. Не такой уж он теперь и маленький.

Глава 3

Повзрослев и обосновавшись в городе, он вспоминает о том мучительном периоде своей жизни как о потаенном процессе полного упадка и возрождения – подобно тому, что происходит с куколкой насекомого, и предпочитает помалкивать о нем и даже сознательно не воскрешать в памяти.

В беседе он изо всех сил старается казаться открытым и незащищенным. Откровенничать проще, сидя вечером в уличном кафе, под сенью алеющих крон огненных деревьев. Он готов рассказывать о своем детстве, но не взрослении.

Разумеется, здесь, в городе, убийства можно упоминать только в переносном смысле. Он научился описывать их на уровне эмоций, умалчивая о крови. Семейные распри и отчуждение – вполне обычное дело, хотя ножи, как правило, упоминаются фигурально.

Сейчас, с безопасной высоты двадцати с чем-то лет, он готов признать, что его детство прошло в плену у токсичного родителя-тирана. Безумное, жестокое детство, с которым теперь покончено. Идеологическая обработка. Муштра ребенка-солдата в войне матери против отца. Эти обстоятельства, эти люди остались в прошлом. Он вырос. Он творец своей новой жизни, которая принадлежит только ему. Теперь он стремится только к покою, так он себе говорит. Обрести мир в душе, хранить его, благостно стариться и никогда больше

не поднимать руку на другого человека. По его прикидкам, ему должно быть двадцать три – двадцать пять лет. Смуглая кожа, еще больше потемневшая на солнце, испещрена белыми узорами шрамов, по большей части тонких. Откуда они взялись – от ножа, зазубренной чешуи, шипов, битого стекла или ногтей, – он не помнит, но для него это болезненная тема. Его густые волосы и борода аккуратно подстрижены и уложены специальными средствами, он носит одежду с длинным рукавом и наглухо застегнутым воротником. Так большинство шрамов оказывается скрыто, за исключением тонкой линии, пересекающей левую щеку: будто след от слезы, выжженный каленым железом. Когда лицо расслаблено, линия выглядит неестественно прямой, так что он завел привычку улыбаться краешком рта, чтобы ее замаскировать. Шрамы – их он тоже предпочитает не обсуждать.

Еще он скрывает, что его отец – Безупречный и Благостный, крупный религиозный и общественный деятель регионального масштаба, регулярно мелькающий в ток-шоу и упоминаемый в новостях. Родство с ним не прибавило бы Феттеру популярности и даже отталкивало бы людей. Он говорит о своем отсутствующем отце, лишь бы не показаться слишком привязанным к матери, что, как он заметил, тоже не особо привлекательно.

Хежмен старше; его роскошная черная с проседью борода спускается на грудь.

Хежмен заметил, что у него нет тени – когда они отправи-

лись завтракать под ярким утренним солнцем, – но отнесся к этому спокойно. Луриятцы все такие. Это одна из причин, по которой Феттер решил здесь остаться. Несколько лет назад он впервые увидел башни из камня и позолоченного солнцем стекла, арки белых кранов, рассекающие небо, словно пучки выпущенных из божественного лука стрел, – и сразу почувствовал необъяснимое влечение, даже до того, как узнал название города. Воздух был влажным, почти жидким, мягким и целительным для кожи. Город сказал ему, что с бродяжничеством покончено, да и с заданием матери тоже. А теперь Феттеру начинает казаться, что он на своем месте. Столько людей стекается в город из самых разных уголков, что здесь легко ощущать себя как дома. Феттер даже не единственный неприкаянный сын очередного мессии, в соцсетях таких полно. Для «неизбранных» организована целая группа поддержки, которую ему порекомендовал психотерапевт; психотерапевта он посещает с тех самых пор, как вообще узнал о его существовании. Он ходит в группу с религиозным рвением, каждый арудин², на закате. Ничего из этого он еще не рассказал Хежу, но не потому, что скрывает. Все только начинается, всему свое время. Он купается в этом чувстве, жмурясь от удовольствия, как кот на солнце. Наверное, это и есть счастье. И ему нужно прилагать усилия, чтобы оставаться на земле.

² Арудин (Haruday) – придуманный автором день недели, вероятно, от тамильского аагу – «шесть» (соответствует субботе).

«И чем вы планируете заниматься?» – спрашивают их на каждой встрече группы поддержки для неизбранных, почти избранных и тех, кто вот-вот будет избран. Большинство бормочет в ответ что-то невнятное или отшучивается. «Люди далеко не сразу начинают здесь откровенничать», – отмечает старейшина группы. «Нам просто требуется время, чтобы прийти в себя», – оправдывается единственный новичок, который появился в группе позже Феттера.

– Это как парить в воздухе, – подхватывает Феттер. Окружающие кивают и соглашаются, хотя им не понять, что он говорит буквально. Он помалкивает о своей способности летать, хотя иногда, когда его никто не видит, тренируется, надеясь однажды обратить ее в полезный навык, а не случайное явление. В группе он высказывается редко. Ее посещает человек десять, которые появляются и исчезают: неизбранные обломки десятка же религий. Сегодня обычный день, группа заполнена примерно наполовину.

И, конечно же, комната кишит невидимыми силами. Они пробуждают в Феттере старые страхи, и это его даже отчасти успокаивает. В Луриате этих существ не так много, как в Акусдабе, но все же достаточно, и они наводняют собрания, как будто привлекаемые особой странностью группы поддержки. Видит ли их кто-то еще – неизвестно. Судя по

отсутствию реакции, скорее нет, чем да. А может, остальные тоже решили, что единственный способ бороться с ужасом – не смотреть в сторону демонов и никогда их не упоминать. Феттер не решается нарушить этот молчаливый договор, если таковой вообще есть. Но в глубине души он всегда был уверен: если однажды даст невидимым силам понять, что он их видит, это обернется для него плохо. Так что он старательно рассеивает внимание и скользит взглядом мимо их ужасающих силуэтов, странных конечностей, множества молчаливых глаз, оставляя их на заднем плане. От усилий болит голова, но он привык к боли от невидения. Тусклый свет в комнате ему только на руку и к тому же скрывает отсутствие тени.

Коэль, старейшине группы, лет пятьдесят. В уголках ее глаз притаились лукавые морщинки, но смеется она редко. «Чем быстрее вы поймете, что нужно жить собственной жизнью, – рассуждает она, – тем проще вам будет. Вот и все». Она как-то рассказала им о своей матери, предположительно, пророке Пилигрима, о котором Феттер не слышал. Когда мать ушла на покой, мантия пророка перешла к младшему сыну, а Коэль со своей подготовкой оказалась не у дел, голос бога так и не зазвучал в ее ушах. Насколько известно Феттеру, сейчас она публицист. У нее есть нелегальная типография, где она сочиняет и печатает крамольную литературу, а потом оставляет в общественных местах, чтобы люди читали и передавали дальше. Еще она вроде бы сочиняет пьесы

и снимает независимое кино. Ее фильмы или спектакли он не смотрел, зато видел, как в листовки заворачивают хлеб, а дети делают из них бумажные самолетики. Но она продолжает их печатать. И упоминает об этом вполне открыто. Любой из группы может ее выдать. О, демоны, или она сама их на это провоцирует?! Нет, похоже, просто доверяет. Ох уж эта неосмотрительная вера человека, который вырос в полной уверенности, что каждое его желание исполнится по воле бога!

– Я хочу работать с яркими дверьми, – заявляет новичок, и группа отвечает на эти слова дружным стоном. Даже Феттер, потому что и сам однажды пытался получить эту работу и знает, как велик список кандидатов. Новичок – молодой человек по имени Ульпе с длинными нервными пальцами. Ульпе посещает группу всего пару недель и пока не особо откровенничает о своей избранности, кроме того что в этой истории замешан какой-то горящий человек; непонятно только, горит ли он в прямом или переносном смысле. Феттер и остальные пока не поняли, поджег ли Человек в огне (Ульпе называет его только так) себя сам, выжил в пожаре или просто зажег метафорическое пламя веры. Они даже не знают, какая между ним и Ульпе связь. Но всем очевидно, что разрыв произошел недавно, так что в ответ звучат беззлые, даже участливые вздохи.

– Ты же знаешь, что этого не будет, правда? – говорит Коэль (кто же еще!), и ее напускная строгость кажется такой

язвительной, что вполне может сойти за истинную. — Уж нас к ним точно не подпустят.

Для Феттера это новость.

— Почему именно нас?

— Несовместимость, — пожимает плечами Коэль.

Феттеру ничего не понятно. Кое-кто согласно кивает. Ульпе выглядит растерянно, однако, будучи новичком не только в группе, но и в городе, так часто выглядит растерянно, что это не в счет. И Феттер не решается развивать эту тему из страха снова показаться необразованным провинциалом.

Яркие двери придают Луриату историческую самобытность, вписываясь в его повседневность. На первых порах у Феттера глаза разбегаются от городского разнообразия, и выкрашенные яркой краской двери то тут, то там не кажутся чем-то из ряда вон. Потом он начинает замечать, что они всегда закрыты, но к ним приставлен какой-нибудь специальный человек: чтобы подкрасить (всегда в яркие базовые цвета), осмотреть или смазать, починить петли, замки и круглые ручки, зашпатлевать трещины и царапины, покрыть лаком, отполировать, стереть пятна, зажечь благовония или ультрафиолетовые фонарики, управлять рассевшимися в кружок молящимися, заботливо убирать отколовшиеся щепки или кусочки краски, оставлять цветы и небольшие подношения из аккуратно нарезанных фруктов и ароматические палочки с тягучим дымом. Яркие двери отличаются от обычных

дверей, которые не получают такого внимания и которые зачастую, как подмечает Феттер, и не двери вовсе. Это могут быть ничем не прикрытые проемы в стене, арки с занавесками из ткани или бусин, прозрачной полиэтиленовой пленкой; двери из стекла разной степени прозрачности, створки с застекленными вставками, рамы с сеткой, металлические ворота или решетки, прутья, как в клетках. Только яркие двери всегда наглухо закрыты. Они не пропускают свет, никогда не открываются, за ними скрыта полная неизвестность – вот что, по мнению Феттера, отличает их от обычных входов.

Однажды любопытство победило, и он подошел к одной из ярких дверей. В тот день он бесцельно слонялся по городу, ведомый своей удачей, как вдруг оказался у яркой двери, возле которой, на удивление, никого не было. Никто не суетился рядом и не присматривал за тем, что происходило перед ней. Ни полиции, ни очевидцев. Размещена в стене ничем не примечательного здания, в котором, похоже, нет ничего, кроме роскошного ювелирного магазина. Вход в сам магазин закрывает обычная стеклянная дверь на максимально возможном расстоянии от яркой. На улице раннее утро, магазин еще закрыт, вокруг пусто. Нутро откликается знакомой тянущей тошнотой, которую он всегда считал проявлением удачи, своим инстинктом, глубинным восприятием мира, когда он чувствует, куда нужно идти и что нужно делать, задолго до того, как может это сформулировать.

Феттер подходит к двери и тянет круглую ручку. Запер-

то. Дерево выкрашено в веселый оранжевый цвет, причем вблизи видно, что неумело: краска нанесена в несколько толстых слоев с комками и полосами от кисти. Ни знаков, ни предупреждений об опасности или других предостережений. Он дергает за ручку, и в дверную щель просачивается холодный воздух. Прохлада не такая, как от кондиционера или холодильника: там ощущается шелестящее дыхание холодного ветра с незнакомым горьковатым запахом, порывы которого становятся сильнее и громче по мере того, как Феттер начинает это понимать. Такое впечатление, что позади яркой двери носится резкий, завывающий ветер, какой может дуть через горный перевал. Поначалу кажется, что его тревожит холод: Луриат расположен в низине у океана, и воздух там обычно теплый, иногда умеренный, а ветер приходит со стороны моря. Но дело в неизвестном запахе, который почти остается на языке, как пепел. Или дело в том, что прохлада за дверью ощущается как уличная, хотя она по определению просачивается изнутри дома или просто с той стороны. Если то, что находится за дверью, – это внешнее пространство, получается, Луриат, да и весь мир, – внутреннее? Ветер оттуда вроде бы усиливается, словно там бушует буря, сдерживаемая только тонкой дверью с лишними слоями краски. Ручка под пальцами становится практически ледяной, хотя трудно сказать, была ли она холодной с самого начала. Такой холодной, что немеют ладони. Он убирает руки и растирает их друг об друга. Стоит отойти на несколько шагов, как порывы

вы стихают, уходит ощущение непогоды по ту сторону двери. Но в дальнем углу висков стучится головная боль, бьется, словно запасное сердце.

Глава 4

В городе собирают средства на проезд в Луриат Безупречного и Благостного в следующем сезоне дождей. Феттер узнает об этом случайно, когда чистит спам в почте. Глаз цепляется за имя отца, он находит сообщение и идет по ссылке на сайт кампании, на форум местного отделения почитателей Пути к вершинам – небольшого, но активного. Оказывается, такую кампанию они запускают уже чуть ли не десять лет подряд. Поначалу то не набиралась нужная сумма, то инициативу прикрывала оппозиция из Пути к забытому, официальной религии Луриата. В последнее время энтузиасты собирали достаточно денег, но проигрывали конкурс на принимающую сторону – слишком уж много желающих среди южных городов побольше, побогаче и подиковиннее, где община сильнее и лучше организована, так что средства вливались в проект следующего года.

На сайте кампании обозначены планы снять на полгода в сезон дождей один из крупных конференц-центров под резиденцию Безупречного и Благостного и его приближенных: двух святых и личного секретаря, а еще других старших адептов, подвижников, апологетов и прочих почитателей, включая спонсоров кампании, которые внесут самые большие пожертвования.

Феттер воображает, как его далекий недостижимый отец

приезжает в город. А не пожертвовать ли пару фанонов, чтобы хоть чуть-чуть приблизить эти фантастические планы к реальности? Но выдавать себя сторонникам отца он не хочет. Идущие – что к вершинам, что к забытому – явно считают, что он канул в забвение, застрял под каблуком деспотичной матери в Акусдабе, вот пусть и дальше так думают. Путь к забытому опасен – в этом Достославная Мать не ошибалась. Он видел много доказательств ее правоты: в подростковые годы – последствия недавних погромов против отринувших путь в провинции; сейчас, в Луриате, – мелькание в телевизоре оголтелых демагогов с пеной у рта. Он мало что знает о Пути к вершинам и не отличит одну половину религии отца от другой, но безопаснее всего считать и тех и других одинаково опасными.

Ему приходит другая мысль: пожаловаться модератору, что кампания занимается разжиганием ненависти, отменить или отложить сбор, создав им неудобства. Но Идущие к вершинам так тщательно подобрали слова и продумали место размещения, что придраться не к чему. Может, они и не так плохи, как Идущие к забытому. Феттер бросает и эту затею. До окончания сбора еще месяц. А на пожертвование у него все равно нет денег, даже если б он и решил его сделать.

Множество благ луриатцы получают бесплатно: кров, пищу, транспорт... Со скромными потребностями здесь можно вообще не работать, уж точно не ради денег. Но большин-

ство все же ходит на работу, потому что за деньги можно купить другое качество жизни. Однако Феттер приспособился обходиться малым. Ему выделили квартирку на третьем этаже, в восточной части города, у побережья, но без вида на море или на что-нибудь еще. В его районе многоквартирные дома забиты приезжими. Район называется Пески, потому что там есть небольшой пляж, хотя большая часть побережья Луриата завалена камнями для защиты от эрозии. Многие приезжие рано или поздно запрашивают переезд из Песков в более престижные районы города или подкапливают деньги на аренду частной квартиры. Но Феттер живет там, где поселился сразу по приезду, достаточно долго, чтобы взять на себя в Песках роль старосты с учетом постоянной текучки жильцов. И вот он уже помогает другим сориентироваться в городе и получает удовольствие от возложенной на него миссии. Он и не осознавал, что начал уставать от бесцельного метания между небом и землей.

К нему стали отправлять за советом. «Спроси Феттера», – говорили люди друг другу, и вот его уже все знают внутри этого зыбкого сообщества городских новичков. Так он знакомится с Кадувом, которого потом введет в группу поддержки почти-избранных. Поздно вечером Феттер слышит стук и идет открывать, забыв одеться и прикрыть шрамы. У них в доме вход в квартиры закрыт металлической решеткой с мелкой сеткой от комаров, а многие вешают еще и занавеску для обеспечения личного пространства. Так что стучат

здесь обычно в деревянную раму проема. Опираясь на дверной косяк, Феттер окидывает взглядом неприметного человека, в котором ничто не выдает принадлежности к их особому миру избранных. Ни царственных манер обученного пророка, как у Коэль, ни ауры потусторонней травмы, отличающей Ульпе или, видимо, его самого. И только когда Кадув обращается к нему с вопросом, Феттер понимает. Слышит это в его голосе. Еще раньше – видит: в форме открытого рта, пожелтевших и слегка неровных зубах, пугающем мшистом налете на языке. Окружающий фон меняется, приготовившись услышать Голос, словно они уже не в глухой акустике узкого дверного проема, ведущего в низкий коридор, а на лесной поляне под открытым черным небом, в естественном амфитеатре с утрамбованной землей, жирной темной почвой, утаптываемой ногами целых поколений, на сцене для тайных священных песнопений. Феттер трясет головой, разгоняя видение, почти что галлюцинацию, хотя при этом понимает, где находится, втихоря ощупывая неровности на плохо обработанном косяке под поднятой рукой, пока не слышит голос Кадува.

– Мне сказали, ты можешь растолковать, как подать запрос на удостоверение личности, – произносит Кадув.

Самые обычные слова на луриятском скверноречном диалекте. Банальный вопрос, незнакомый, но непримечательный говор. А вот голос не похож ни на один другой на земле. Голос подхватывает Феттера, как сильный ветер, и швыря-

ет обратно на ночную поляну. Феттер падает на одно колено и упирается руками в землю, чтобы не растянуться ничком. Он осторожно поглаживает землю пальцами. О демоны, мокрая! Это кажется важным. Небо ясное, низко висящая половина луны прячется за верхушками деревьев слева от него, а справа поднимается зубчатая линия гор. Он ждет, пока видение исчезнет, потому что это, несомненно, видение. Но оно исчезает только после того, как снова раздается голос.

– Прости, – говорит Кадув, – ты как? Сейчас пройдет, закрой глаза и потряси головой.

Феттер так и делает, а потом еще раз. Он вдавливая большой палец в мягкую землю, постепенно снова начиная ощущать шероховатость старого дерева, открывает глаза и понимает, что он там же, где был: стоит у своей двери, одна рука упирается в косяк, а сам он смотрит на коротышку в тесном коридоре. Ни поляны, ни леса под ясным небом, ни половины луны. Он не падал и вообще не двигался с места.

– Почему половина луны? – спрашивает он. Мать учила следить за лунным циклом, священным аспектом культа отца, так что он знает, что сегодня – ночь после полнолуния. Неправильная фаза выбивает его из колеи больше, чем само видение. Грезить ему доводилось и прежде.

– Прости, правда, – повторяет Кадув. Называет свое имя и повторяет просьбу, поясняя, что он тут делает. Потом вспоминает, что не ответил на вопрос. – Там всегда так. Когда за-

поют Багряную песнь, на небе будет светить половина луны.

– Но в какой фазе, ты не знаешь, так? – уточняет Феттер. – Или в каком году? Зато уверен, что исполнять Песнь будет кто-то другой?

– Эта скорбная доля выпала моему дальнему кузену, – начинает Кадув, но Феттер отмахивается от объяснений.

И так все ясно. Феттер в курсе, как это бывает. Кузена провозгласили Багряным певцом, хранителем какого-нибудь очередного конца света или искупительного события из тех, что можно предотвратить или, напротив, запустить где-то в далекой долине – настолько далекой, что Феттер никогда не слышал об их религии и не узнал горы на заднем плане своего видения. Подробности ни к чему. В Луриате не ценят чужестранные пророческие миражи.

– Здесь люди редко реагируют на мой голос, – бормочет Кадув. – Не думал, что это вообще еще когда-нибудь случится, тем более так далеко от дома.

Феттер приглашает его войти и начинает рыться в бумагах:

– Где-то у меня была памятка.

Он вспоминает, что по-прежнему голый по пояс. Кадув видел его шрамы, но не подал виду. «Людам на них наплевать», – думает Феттер. Может, и ему стоит меньше о них беспокоиться. Тем не менее он натягивает камиз³ и находит

³ Камиз – длинная рубашка или туника, часть традиционного костюма, который носят мужчины и женщины в Южной и Центральной Азии.

записи о подаче заявки на луриатское гражданство со своими пояснениями, насколько он сам смог разобраться, в каких окошках ставить галочки. Луриат заботится не столько о том, чтобы опознать человеческое существо, сколько о том, как его классифицировать. Вопросы заявки связаны в основном с распределением новых граждан по шкале местной иерархии рас и каст в соответствии с теорией группировки и типизации, унаследованной от империи Алаби, которая правила всем суперконтинентом в течение полутора веков.

– Я переведу вопросы, чтобы ты знал, как отвечать, и поеду с тобой в регистрационный отдел, помогу заполнить формы. Но, думаю, тебе стоит кое с кем познакомиться в следующий арудин.

То, что к нему идут с подобными просьбами, – обычное дело, хотя таких странных, как Кадув, еще поискать. То, что перестают нуждаться в его помощи даже быстрее, чем можно было подумать, – тоже обычное дело. Некоторым требуется всего лишь уверенность, что им всегда помогут, если понадобится, и им достаточно этого знания, чтобы справиться самостоятельно. Иногда они делятся своими историями: зачем приехали в Луриат, что ищут, от чего бегут. Его интуиция, скручивающая нутро спазмом и заставляющая сосредоточиться, любит такие истории, так что он внимательно слушает. Кто-то вырывается из авторитарной семьи или ищет счастья, но большинство спасается от чумы или регулярных

погромов в провинции, возглавляемых Идущими к забытому; есть и такие, кто бежит с юга из глубины материка, от войны на суперконтиненте, о которой Феттер даже не слышал.

Благодаря докторам чума никогда по-настоящему не сотрясала Акусдаб. Не было ни строгих карантинных, ни жестоких расправ с переносчиками «богоугодной болезни», как называли ее доктора. Погромов за свою короткую жизнь там Феттер тоже не видел, поэтому их повсеместность в большом мире его удивляет. Луриатцы привыкли к обеим бедам. Их история и даже календарь сформировались вокруг чередования чумных и погромных лет. Поначалу Феттеру трудно понять, как Луриат смог уцелеть при подобном количестве невзгод, которые стерли бы маленький Акусдаб с лица земли. Потом приходит к выводу, что такое под силу только городам вроде Луриата; а может, появление и последующее преодоление этих бед даже создают для Луриата новые возможности. Изучая историю выживания в кризисы, он узнает, как появились бесплатные услуги Луриата: маленькие победы, доставшиеся слишком дорого и тут же обесцененные расовыми и кастовыми рамками, которые контролируют доступ к ним.

В Луриате нет докторов (в понимании Феттера), только больницы, укомплектованные медицинским персоналом, но никого с красным ртом. Он не знает, есть ли у местных врачей отличительные признаки, поскольку не болел уже много

лет – уж точно ни разу со времени переезда. К счастью, годы его жизни в городе не ознаменовались ни чумой, ни погромами. Однажды он упоминает об этом в группе, Коэль смеется над ним, и он не понимает почему.

Вскоре Феттер начинает замечать в тех, кто приходит за помощью, некие общие черты, а на их основе – сезонные изменения в составе наводняющих город беженцев. Их ручейки в любое время года просачиваются в Луриат, часто превращаясь во внезапные потоки – на великом суперконтиненте Джамбу⁴ не утихают бесконечные войны. Временами они перекидываются на новые территории, вытесняя местных жителей, часть из которых перебирается в многочисленные города. Провинции вокруг Луриата устали от жестокости. Постепенно Феттер учится читать между строк, и до него доходит, что «беспорядки» означают погром, а когда монах из Пути к забытому по телевизору призывает обе стороны к миру, это означает, что культ снова пытается очистить провинции от отринувших путь, выбраковать расы и касты, которые считаются низменными. Он понимает, что последователи отца спелись с остатками империи Алаби. На отдаленном юго-восточном субконтиненте Аггиопа, откуда пришли все эти строители империи, оказывается, свирепствует чума, непрестанно заражая и перезаражая население.

⁴ Джамбудвипа – один из материков, образующих мир (в индуистской традиции таких материков насчитывалось от семи до восемнадцати, в буддийской – четыре); материк Джамбудвипа отождествлялся с тем пространством суши, которое позже было названо Индией.

Феттер не готов к схватке с миром, который так увеличился и раздулся от боли.

Пески, исполняя неофициальную роль района для бедных иммигрантов, в состоянии справиться с обычными людскими ручейками, но стоит потоку разрастись или если известно, что вновь прибывшие могут бежать от чумы, в дело вступают войска Луриата, и новичков загоняют в лагеря за городской чертой. Коэль однажды заметила в группе, что поначалу лагеря обустраивали на краткий срок, потом на сезон, а теперь дошло до постоянных, всеразрастающихся; там содержат на карантине тех, кто грозит городу чумой или беспорядками.

Участие в жизни новичков района со стороны армии и полиции Луриата (Феттер так и не научился их различать: по обмундированию, снаряжению и повадкам они сливались друг с другом настолько органично, что все полицейские, солдаты, вооруженные формирования, барабанщики, группы быстрого реагирования, спецподразделения, ополченцы, палачи и дорожные регулировщики в белых перчатках кажутся представителями единой огромной, вездесущей, целеустремленной сущности) варьируется от глубокой вовлеченности до полного равнодушия. Феттер не может понять, почему они не обращают внимания на десятки вновь прибывших, а потом бросают все силы на поимку одного из тех, кого он мог знать, знакомых этих знакомых и так далее, пока не пресытятся. Они явно боятся заражения, но какого рода?

Болезнью, идеями или конкретными личностями? Такие захваты, видимо, тоже носят сезонный характер. Сам он попал в Луриат без проблем, в благоприятное время, когда никто не волновался о бунтах и мятежах, и не понял, как ему повезло.

Где-то через год после приезда, когда он уже вроде обосновался в Луриате, но еще не начал разбираться в происходящем вокруг, Феттер впервые стал свидетелем массового насильственного выдворения. Чутье приводит его к соседнему дому, оцепленному вооруженными солдатами в темно-синей форме, киверах и тяжелых черных ботинках с высокой шнуровкой. Ботинки привлекают его внимание больше всего: сам он почти всю юность провел босиком и только недавно приучился носить сандалии, как цивилизованный человек. На жаре закрытая обувь кажется чужеродной и мучительной; Феттер думает, что массивность и прочность превращают эти ботинки в оружие. Они не для того, чтобы ходить: ими пинают, молотят, вышибают двери, топчут тела и землю. Солдаты – уже позже Феттер узнает, что на самом деле это было полицейское военизированное подразделение оперативного реагирования, хотя так и не понял, в чем разница с юридической точки зрения, как Хеж ни пытался растолковать ему, – оттеснили его и остальных зевак подальше, пока другая группа штурмовала здание. И среди оцепления, и в числе штурмовиков можно увидеть барабанщиков. У них такая же форма, как у всех, только на киверах подрагивают

белые плюмажи, а на бедрах висят малые барабаны, на которых они выбивают мрачный ритм предостережения и предчувствия.

Стоит ужасный шум: барабанный бой, крики, стрельба. Длинную шеренгу людей со сложенными на затылке руками выводят под прицелом, их утрамбовывают в грузовики и увозят. Убирают несколько тел. Здание кишит бригадами в защитном снаряжении: не то судмедэксперты, не то чумные врачи, или те и другие сразу.

Через пару недель с дома снимают карантин, и Феттер узнает, что увезли почти четверть жильцов. Оставшиеся мало говорят о пережитом, то есть вроде бы поначалу только об этом и говорят, громко и грубо возмущаются, но вскоре Феттер замечает, что жалобы все больше про неудобства из-за карантина, постоянные допросы, отсутствие запасов еды и тому подобное. О бывших соседях не упоминают. В какой-то мере из страха перед чумой, думает Феттер, как будто даже сейчас сохранялась опасность заражения, но кроме того, никто из оставшихся не признается в знакомстве с увезенными. Может, были знакомы, но помалкивают, а может, солдаты забрали всех, кто был связан с ними узами дружбы или родства, не тронув лишь тех, кто мог разве что знать увезенных в лицо, но не по имени, а если и знали по имени, то не общались – могли иногда перекинуться парой слов, но в гости друг к другу не ходили.

В последующие месяцы Феттер пытается потихоньку рас-

спрашивать, но ему так и не удастся выяснить, что стало с теми жильцами, в какой лагерь или тюрьму их могли увезти, за что вообще забрали. Похоже, никто так и не вернулся. Рождается несметное количество самых фантастических слухов: кто-то видел такого-то в другом районе города год спустя, он покупал помидоры; еще кто-то мог поклясться, что вчера вечером по телевизору видел женщину, ту самую, как там ее, которую тогда увезли. Возникает много догадок, что их держат на чумном карантине в одном из лагерей за чертой Луриата, предполагают, что их заперли в секретной тюрьме в провинции за терроризм. Один сплетник искренне уверяет Феттера, что слышал от дяди психотерапевта матери дружка кузины его друга, который в прошлом месяце отдыхал на Ремалу, что на экскурсии тот встретил парня, заявившего, что его вывезли из Луриата без права вернуться по причинам, которые не назывались, а если и назывались, то были неясны.

Брошенные вещи вывезенных жильцов быстро разбираются их соседями, а пустые квартиры передаются вновь приезжим, которые обживают там, не тревожимые солдатами в тяжелых ботинках. Смена времени года, понимает Феттер. Кадув – новичок в городе – не знает о своей удаче, как и Феттер когда-то.

Глава 5

На первом собрании группы поддержки Кадув производит ожидаемый фурор. Все десять человек, которые пришли в тот день, застывают с распахнутыми глазами и сведенными мышцами, стоит ему открыть рот. Он вынужден уговаривать их по одному очнуться от видения и извиняться, пока Феттер тихонько посмеивается в углу, поедая закуски. Редко когда собрания группы так насыщены событиями.

Коэль непрошеное видение разозлило больше других; возможно, ей не понравилось оказаться так близко к чужой священной тайне. Она пилит Феттера, и он ждет выволочки за то, что привел Кадува без предупреждения; он уже собрался извиняться и оправдываться, но внезапно Коэль просит как-нибудь привести Кадува к ней в гости.

– Пусть только уладит дела с документами и немного обустроится, – добавляет она, – у меня есть разговор для вас обоих.

Ульпе видение больше завораживает, чем раздражает. А еще Ульпе радуется, что не считается теперь самым новым участником группы, и, тут же перехватив у Феттера инициативу, рассказывает Кадуву о заведенных в группе обычаях. Сам Кадув поначалу выглядит ошеломленным, но по мере того, как собрание входит в свою колею, тоже расслабляется.

«Ну вот, – думает Феттер, хотя вслух не высказывается, –

неизбранным лучше держаться вместе».

В тиндин⁵ Феттер ведет Кадува в отдел регистрации. Кадув неплохо изъясняется на скверноречии, правда с акцентом, но читать и писать по-лурятски не умеет. В отведенной им длинной комнате с прямоугольными столами толпятся люди, пришедшие с той же целью. Феттер заполняет документы, консультируясь с Кадувом, который заглядывает в формы и сообщает, что некоторые буквы кажутся знакомыми, словно дальние родственники известного ему алфавита.

– Очень похоже на акусдабский – диалект городка, откуда я родом, – замечает Феттер. – На пару букв больше, но я их быстро выучил.

– Я уже видел четырнадцать вариантов алфавита для записи скверноречия, – говорит Кадув, – но у этого самые мудреные буквы.

– Привыкнешь со временем, – отвечает Феттер, хотя без особой уверенности. Многие приезжие, так и не привыкнув, смиряются с вновь приобретенной неграмотностью. В городе легче выжить, если найти того, кто поможет заполнить регистрационные формы. Остальным новичкам тоже кто-нибудь помогает. Многие тут же собираются в стихийные группы для перевода и трактовки вопросов. К Феттеру тоже подходили за консультацией: у него вид человека, который знает, что делает.

⁵ Тиндин (Tinday) – еще один выдуманный автором день недели, предположительно от tin – «три» на хинди (соответствует среде).

Кадув заполняет формы и сдает биологические образцы: отпечатки пальцев, скан сетчатки, мазок изо рта (его ДНК регистрируют в присвоенной социальной категории и будут использовать в исследованиях по подкреплению системы категоризации), и они ждут в длинной комнате вместе с другими соискателями, пока им не начинают раздавать маленькие желтые карточки заламинированного пластика, на которые нанесены всяческие печати и нити идентичности, дающие доступ к услугам Луриата. Кадув принимает свою очень серьезно, к удивлению чиновника, чуть ли не с поклоном.

– Все, теперь ты гражданин, – говорит Феттер, выходя из здания. На улице свежая грязь и яркое солнце: пока они были внутри, прошел дождь, а теперь снова ясно. Феттер поднимает руку, пытаясь заслонить глаза от солнца, но, поскольку у него нет тени, это не помогает. – Поздравляю! Чем думаешь заняться?

– Хочу попробовать выучиться на певца, – отвечает Кадув, – в какой-нибудь театральной школе.

Феттер вежливо кивает. К музыке и театру он равнодушен: с тем же успехом Кадув мог сказать, что собирается тренировать стойку на голове. Но в целом он рад. Кадув, похоже, приспосабливается к городу, пытается найти в жизни новый смысл. Так и надо. Скоро он переберется из Песков ближе к выбранному роду занятий. Феттер старается не завидовать. Он пока так и не нашел свое призвание, а может, уже и не найдет. Ему нравится быть наставником и проводником, он

серьезно относиться к этой задаче, но все чаще чувствует, что занимается ею только потому, что оказался в нужном месте и знает ответы на вопросы. Он не выбирал эту роль, она выбрала его. От этого ощущения он уже устал.

Его дружба с Хежем крепнет. Он старается ограничиться дружбой в том виде, который с недавних пор наблюдает в кино и по телевизору (Достославная Мать презирает эти разрушительные технологии, как вредные для духовного роста и планомерного режима тренировок). Встречи в классическом юго-восточном имперском стиле, как он его понимает: ужины и походы в театр на невнятные спектакли, поздние завтраки и тому подобное.

Но Феттер хранит свои секреты, не испытывая искушения их обсуждать. Он не позволяет им выныривать на поверхность сознания, где они могут стать прозрачными для другого. Его пьянит мысль о том, что он интересен кому-то сам по себе, а не как брошенное отродье мессии или обладатель трудной и жестокой судьбы. «Ужасы детства остались позади, – повторяет он про себя, – и молчать о них – это не ложь. Может быть, когда-нибудь...»

– Может быть, когда-нибудь – что? – спрашивает Хеж.

– Может быть, когда-нибудь – это моя любимая фраза, – небрежно отвечает Феттер. – Мне нравится мысль о том, что возможно вообще многое.

Феттер ведет Кадува к Коэль.

– Что мы там забыли? – спрашивает Кадув. – Мы и так каждую неделю видимся в группе.

– Мы идем не на групповую терапию, – уклончиво отвечает Феттер. Недавно Коэль опять напомнила ему, что ждет их у себя, теперь более настойчиво, как будто с первого приглашения что-то изменилось, так что Феттер решил дальше не тянуть. У него создалось впечатление, что Коэль не хочет вовлекать в это остальную группу, что бы это ни было. С учетом ее политических взглядов, речь, насколько он понимает, может идти только об одном. Ему слегка обидно, что до появления Кадува она не звала его в свой мир, но зато теперь, когда его пригласили, неважно как, он чувствует волнение, какого не ощущал со времени переезда в Луриат. Сама мысль о новом задании – разве это не глупо? Неужели Феттер до сих пор ищет того, кто будет указывать ему, что делать, кого убить, какую власть свергнуть, даже если ему больше не хочется во все это ввязываться? И все-таки он никак не успокоит свой пульс. Затверженные в детстве уроки пустили глубокие корни, и их не так-то просто выкорчевать взрослыми уговорами.

Коэль тоже живет в муниципальном доме, только в районе для художников под названием Фронтон, южная часть которого потихоньку облагораживается, а западная граничит с Песками. Феттер с Кадувом делают большой крюк, чтобы сначала пройти этими белеными улицами на юге, посмотреть

на элитные галереи, которые торгуют предметами искусства из общедоступных материалов, выполненными в традициях тех мест: дерево, глина, металл, вода, дымчатое стекло. По мере их продвижения на северо-восток Фронтон растворяется и беднеет, дома выглядят более ветхими, люди – менее ухоженными, продавцы заполняют тротуары и высыпают на улицы, предлагая вполне обыденные товары. Искусство тоже становится более странным.

Возможно, дело в искусстве или гуманитарных науках, но во Фронте Феттеру попадает на глаза меньше невидимых сил. К стенам галерей кое-где прилепились грозди медленно пульсирующих паразитов-кормильщиков. На улицах победнее он видит антибогов с длинными языками и белыми руками, которых научился ассоциировать с болезнями. Эти всегда сопровождают нищету. Но по большей части здесь только люди – целые толпы, гораздо больше тех, к которым он привык в Песках. Новички, не попавшие в Песках в беду – то есть не посаженные на карантин и не вывезенные из города, – часто перебираются чуть ближе к центру, во Фронтон. Феттеру понятно, чем он их привлекает, и вполне логично, что Коэль здесь поселилась. В этом районе, похоже, сконцентрировалось все то хорошее, что есть в Луриате: привилегии, которые город дает тем, кому разрешено их получить; пространство, которое создается, чтобы граждане могли творить, видеть, слышать, являть искусство, если пожелают и до тех пор, пока это искусство не пересекает невидимые грани-

цы власти, которая может обрушить на них ботинки и барабаны.

Во Фронтоне, по соседству с Коэль, в моду вошли переплетения религиозных и политических слухов как форма коллективного перформанса. Феттер с Кадувом идут узкими переполненными улочками, перетекая из одной сплетни в другую; они слушают и пересказывают их на ходу, смешивая и перемешивая, от историй уже горчит во рту. Слухи в основном простые и запоминающиеся. Не все можно понять без контекста, но большинство вполне тривиальны.

- Всеобщие выборы пройдут в месяц Второго пара!
- Здесь живет дочь и сестра Пилигрима!
- После выборов будет переворот!
- К нам едет Безупречный и Благостный!
- Первые казни штормового сезона состоятся в середине месяца Кинни!
- Переворот случится еще до выборов!

Феттер пытается игнорировать слухи о Безупречном и Благостном, потому что от них болезненно скручивается нутро, но повторяются они так часто, что сообщение доходит в искаженной форме. Некоторые из этих людей, как он предполагает, вносили средства в кампанию по сбору средств.

– Багряная песнь не сработает, – уверенно говорит Кадув малышу, сидящему на пороге дома. Его голос резонирует, и несколько зевак оборачиваются. Через сотню шагов проходивший останавливается и шепчет им это в ответ. Феттер воз-

мушенно смотрит на Кадува.

– Ну да, мелочно, – пожимает плечами Кадув.

Дом Коэль найти непросто. Улицы становятся темнее и уже, они постоянно соприкасаются плечами, слухи передаются мимолетным интимным шепотом. И вот наконец она стоит перед своим домом, ждет их и курит неловко свернутую самокрутку.

– Гляди, идут два чужака, – дразнится она с кривой ухмылкой, – а мне уже о них сообщили.

– Мы о тебе тоже наслышаны, – откликается Феттер, и Коэль корчит рожицу.

Они направляются к ней в квартиру в доме похуже и пообшарпанней, чем у Феттера, зато людей здесь меньше и территория не так захламлена. Он ожидает увидеть всякие приспособления: может, ручной печатный станок, копировальный прибор, спиртовой множительный аппарат, разбросанные бумаги – нечто такое, что указывало бы на жизнь бунтовщика-публициста, режиссера и драматурга. Но ничего такого здесь нет. Он простодушно спрашивает об этом, и Коэль смеется, что бывает крайне редко, поэтому Феттер с Кадувом таращатся на нее во все глаза. «Секрет!» – заявляет она, и Феттер вспоминает старые навыки, которые впитал с молоком матери. Подробности неясны, но когда-то это было частью его подготовки – прятаться, становиться невидимым, сидеть в засаде. Они тут не из-за листовок, но без конспирации не обойтись.

— Дело в голосе, поэтому мы здесь, — предполагает Феттер, обращаясь к Коэль, но кивая при этом в сторону Кадува, который не выглядит удивленным.

— Дело всегда в голосе, — отвечает Кадув. — Я слушал людей, которые читали вслух твои листовки. И проблема не в том, что я не согласен с твоими политическими взглядами, но хочу сразу сказать, что не в силах изменить видение или заставить избранного увидеть его. Такая сила есть только у певца Багряной песни. А у меня... только это. Беспольный дар.

Коэль отмахивается и идет заваривать чай. На ее лице задумчивое выражение. Феттер ожидал от нее обычной прямолинейности, думал, она сразу скажет, чего хочет. Оказывается, она умеет быть терпеливой. Наверное, это часть общего наследия почти-избранных.

Феттер пытается припомнить, что читал о политических взглядах Коэль в ее листовках. Жирные строки печатного текста, запутанные истории преступлений и злодеев. Она выступает против органов управления, полномочий, единовластия и династий Луриата, но понять, что именно ее не устраивает, сложно. Он имеет смутное представление о политике Луриата.

В Акусдабе политика была простой: там имелись свои демоны и доктора, а еще была семья, где все ненавидели и убивали друг друга, — и, как суровое солнце, над всеми ними возвышалась Достославная Мать.

В Луриате же, напротив, было слишком много движущих сил, голов, оружия, адово изобилие извивающихся теней и потайных клинков. Здесь два конкурирующих президента и соответствующих им премьер-министра, а также генерал-губернатор, представляющий Отсутствующую Королеву, и наместник Отсутствующего Короля (не связанные друг с другом); Парламент в полупостоянном созыве из-за противоречащих друг другу указов о роспуске и чрезвычайных постановлений, там заседают избранные представители города; плюс места, за которые борются присоединенные и неприсоединенные провинции. Феттер с удивлением узнал, что Луриат считает Акусдаб полуприрученной автономной территорией. В этом качестве его родной городок не представлен в луриатском Парламенте, зато имеет дипломатическую миссию под началом чрезвычайного посланника и полномочного представителя – женщины, о которой он раньше не слышал и чьи претензии на легитимность казались сомнительными (что бы на это сказала Достославная Мать?!). Ах да, при президенте действуют рабочие группы, обычно из числа отставных генералов; на них лежит основное бремя текущего управления городом, вне зависимости от вечных провалов Парламента; есть десятки политических партий, которые практически поголовно следуют, формально или неформально, принципам, продиктованным теорией группировки и типирования расовой науки империи Алаби; лорд-мэр города, который переключается с одной заморочки на другую,

с одного скандала на другой; Совет первосвященников Пути к забытому: четверо иссохших язвительных стариков в кровавых мантиях; множество полевых командиров и наркобаронов, большинство из которых также являются членами кабинета министров; и два великих суда – Летний и Штормовой, а также их зеркальные Конституции с конкурирующими претензиями на верховенство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.